

загораживает море» [4, с. 258]. Море в эксплицитно выраженной форме практически не присутствует в романе, но оно напоминает о себе, окликает героя: «Однажды морской бриз, наполненный ароматом роз, выхватил карты у него из рук и сдвинул оконные задвижки» [Там же, с. 265].

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что образ моря эволюционирует в сторону углубления и конкретизации его смысловой символики. Анализируя наполнение образа моря в рассказах, повести и романах Маркеса, можно убедиться в сущностной значимости моря как для художественного мира дона Габриэля, так и для национального образа мира Латинской Америки.

-
1. *Маркес Г. Г.* Десять дней в открытом море без еды и воды. СПб., 2003.
  2. *Куатъэ А.* Маленькая принцесса. СПб., 2004.
  3. *Маркес Г. Г.* Осень патриарха. М., 2002.
  4. *Маркес Г. Г.* Генерал в своем лабиринте. СПб., 2003.

А. А. Косарева
г. Екатеринбург

Феномен «авторского присутствия» в романах Г. К. Честертона («Человек, который был Четвергом» и «Жив-человек»)

«Мир всегда казался мне сказкой, а где сказка, там и рассказчик», – писал Гилберт Кит Честертон в трактате «Ортодоксия» [1, с. 400]. Для Честертон-католика этим рассказчиком был Господь Бог. Для Честертон-писателя, создателя удивительных художественных миров, им был он сам.

Честертон старался «не отстраняться» от своего читателя, чтобы изображаемое им казалось объективным: авторский «голос за кадром», как правило, присутствует в его текстах. Но в двух своих романах – «Человек, который был Четвергом» и «Жив-Человек» – Честертон-сказочник совершил нечто поистине волшебное для литературы своего времени: он «раздвоился», и одна его часть осталась рассказчиком, а вторая, проекция

его личности на созданный им художественный мир, стала героем его произведений.

В процессе изучения творчества Г. К. Честертона нами было прочитано довольно большое количество текстов, посвященных подробностям биографии писателя. В список этих текстов вошли и воспоминания современников Честертона, и его автобиография, и, конечно, материалы Натальи Леонидовны Трауберг, автора классических переводов Честертона и исследователя его жизни и творчества. Не были оставлены в стороне и фотографии писателя, выложенные на русскоязычном сайте, посвященном его творчеству.

В процессе чтения романов «Человек, который был Четвергом» и «Жив-человек» мы без труда узнаем в главных героях (Воскресенье и Инносенте Смите) самого Честертона. Гипотеза о том, что самые загадочные и харизматичные герои этих произведений являются проекциями личности их автора, ранее не выдвигалась литературоведами, и, чтобы доказать ее состоятельность, мы постараемся привести максимальное количество аргументов в ее пользу.

Рональд Нокс, английский религиозный деятель и друг Честертона, писал о внешности писателя: «...Честертон был не только очень толст (и гордился этим), он был очень высок и широк в плечах» [2]. Р. Ноксу вторит и другой друг Честертона, Майкл Асквит: «Мне говорили, что Честертон – человек великий, но он оказался и очень большим; таких больших я еще не видел» [3]. В статье «Г. К. Честертон, или Неожиданность здравомыслия» С. С. Аверинцев пишет об этих особенностях внешности Честертона, цитируя данную Бернардом Шоу красочную характеристику внешности писателя: «Честертон – наш Квинбус Флестрин, Человек-Гора, исполинский и округлый херувим... (Как помнит читатель, “Квинбус Флестрин” – прозвище Гулливера в стране лилипутов.) По примеру самого Честертона, а главное – по его воле, все говорили о Квинбусе Флестрине, или о библейском Левиафане, или о Гаргантюа...» [4]

А теперь сравним это описание с описанием габаритов и фигур Воскресенья, героя романа «Человек, который был Четвергом», и Инносента Смита, героя романа «Жив-человек».

Вот как видит Воскресенье сыщик Сайм: «У перил, закрывая часть небосвода, возвышалась огромная спина. Разглядев ее, Сайм подумал, что под таким человеком может обрушиться каменный балкон. Человек этот был необычайно высок и невероятно грузен, но главное – он был непомерно задуман, словно колоссальная статуя. <...> Он был немислимо, ужасно огромен, и величина эта настолько подавляла, что, когда Сайм

его разглядел, все другие съжились, обратились в карликов» [5, с. 56]. Гигант и карлики, Гулливер и лилипуты: приведенная нами цитата как-то удивительно перекликается со словами Бернарда Шоу.

Посмотрим на Инносента Смита. В день знакомства с ним Артур Инглвуд испытывает благоговейный ужас, когда видит его «громадную получеловеческую фигуру» [6, с. 65]. Этим впечатлениям тождественны воспоминания священника Джона Хоукинза: «Великан, шагавший впереди, с каждой минутой казался все выше» [Там же, с. 93].

Впечатления всех главных действующих лиц романа «Жив-человек» от первого столкновения с Инносентом Смитом также любопытны в плане сопоставления внешности этого героя с внешностью его создателя: «Фигура приняла образ огромного блондина в светло-зеленом праздничном костюме. <...> Румяным, открытым лицом он напоминал херувима» [Там же, с. 13]. Здесь мы опять встречаем прямую отсылку к словам Бернарда Шоу, назвавшего Честертона «исполинским и округлым херувимом».

Во внешности Воскресенья и Инносента Смита есть и другие черты, дающие основание сравнивать их с Честертоном. Например, Воскресенье и его создателя «роднят» голубые глаза и способность «расширяться».

Н. Л. Трауберг приводит такой случай из жизни современника Честертон Маршалла Маклюэна: «Однажды, после бурного спора, Честертон поехал на званый обед. Там его увидел студент из Канады, Маршалл Маклюэн, и записал: “Честертон был на обеде! Я видел его портреты, слышал голос, думал его мыслями и примерно представлял, чего мне ждать. Но все-таки я не был готов к живому взгляду голубых глаз, к тонкости и четкости черт”» [5, с. 19]. Такое же сильное впечатление производят на Сайма и голубые глаза Воскресенья: «Председатель глядел на него в упор с несомненным интересом. Огромный человек сидел смирно и тихо, только синие его глаза* буквально вылезали из орбит. Обращены они были к Сайму» [Там же, с. 60].

Что же касается «расширения», то здесь мы вновь обратимся к описанию Честертон Бернардом Шоу: «Честертон... словно бы продолжает на наших глазах расширяться во все стороны, пока мы на него смотрим» [4]. Источником такого же визуального феномена является и Воскресенье, и производимый этим феноменом эффект до смерти пугает Сайма: «...лицо Воскресенья становилось больше и больше, а он в ужасе думал, что, когда он подойдет вплотную, оно станет слишком большим, и он закричит» [5, с. 56]. Эту удивительную визуальную трансформацию

---

* В оригинале «blue eyes»: можно перевести и как «синие», и как «голубые» глаза.

Воскресенья мы наблюдаем и в финале романа: «...большое лицо разрослось до немыслимых размеров. Оно стало больше маски Мемнона, которую Сайм не мог видеть в детстве. Оно становилось огромней, заполняя собой небосвод; потом все поглотила тьма» [Там же, с. 139].

Итак, мы видим, что по внешним параметрам сходство Честертона и сотворенных им персонажей, Воскресенья и Инносента Смита, не может не обратить на себя внимания. Теперь обратимся к сходствам в характере писателя и его героев.

В своей автобиографии Честертон писал: «Я играл всегда и жалею о том, что на игру не всегда хватало времени. Как было бы хорошо, если бы нам не приходилось тратить на пустое чтение лекций или писание рассказов время, необходимое для творческой, серьезной, веселой детской игры! Я мог бы, например, вырезать из картона фигурки и одевать их в цветную фольгу!» [7, с. 236].

Современники Честертона отмечали, что в его характере было много мальчишеского, детского. Приведем воспоминания Рональда Нокса: «В нем было много мальчишеского, он вновь и вновь перечитывал “Остров сокровищ”, он вообще многим обязан Стивенсону, которого мы называли РЛС. <...> Склонности и повадки маленького ребенка тоже всегда были в нем» [2]. На основании воспоминаний современников и произведений самого Честертона такое же впечатление складывается и у С. С. Аверинцева: «Симпатия его сердца принадлежала классическому типу мальчишки, который играет в солдатики и защищает воображаемую крепость против всего мира; и сам он был таким мальчишкой» [4].

А Майкл Асквит рассказывает историю, являющуюся наглядным примером любви Честертона к всевозможным шуткам, забавам и дурачествам: «Честертон умел забавляться, даже дурачиться. Однажды, когда он в последний раз гостил у нас, он целый день выдумывал сложную игру, в которую нам предстояло играть вечером. <...> К чаю он явился счастливый и сказал, что придумал новую детективную игру. Надо было найти не убийцу, а жертву, одного газетного магната. Честертон – искусный художник, вырезал из картона величественного вельможу, разрезал его и попрятал по всему дому. К тому же, он сочинил песенку, где не только указывал намеками и загадками, где искать обломки трупа, но и сообщал немало любопытных подробностей о столь трагически закончившейся жизни. Под самый конец мы обнаружили голову в баронской короне. Несчастного лорда собрали – и в жизни своей я не видел лучшей карикатуры» [3].

Мальчишество, «повадки маленького ребенка» и любовь к играм являются неотъемлемыми составляющими образов Инносента Смита и Воскресенья. Майкл Мун, один из героев романа «Жив-человек», характеризует И. Смита: «Он настолько молод душой, что лазать по деревьям и шалить самым глупым, мальчишеским образом для него такое же удовольствие, как это было в свое время и для нас» [6, с. 137]. Все остальные герои романа также находятся под впечатлением, что Инносент Смит «совершил гигантский прыжок из детства в зрелость, пропустив тот период молодости, когда большая часть людей становится взрослыми» [Там же, с. 22] и что «он популярен везде, куда бы ни явился, и заполняет собой каждый дом, как буйный, крикливый ребенок» [Там же, с. 49].

Инносент Смит так же, как и Честертон, обожает и придумывать собственные игры, и играть в уже изобретенные. О страсти к придумыванию игр свидетельствуют слова самого Инносента Смита:

– Почему так мало придумано игр для забавы во время ветра? – спрашивал он, видимо волнуясь. – Бумажные змеи отличная вещь, но почему только бумажные змеи? Вот я придумал, пока взбирался на дерево, три новых игры – на случай ветреного дня. Например, такая: вы берете пригоршню перцу... [Там же, с. 16]

А о любви к играм уже изобретенным свидетельствует эпизод, в котором другие герои романа устраивают «домашний» суд над Инносентом: «У другого конца стола на своеобразной скамье подсудимых сидел обвиняемый Смит. <...> Его снабдили перьями и бумагой; в течение всего процесса он с большим удовольствием мастерил из этой бумаги бумажные кораблики, бумажные стрелы и бумажные куклы. <...> Он чувствовал себя на суде так же беззаботно, как ребенок на полу в своей детской, где нет ни одного человека» [Там же, с. 66].

Что же касается Воскресенья, то его озорство и любовь к играм проявляются во всей своей красе, когда он начинает играть с сыщиками в игру наподобие «казаков-разбойников». Возьмем, к примеру, эпизод, когда Воскресенье убегает от сыщиков: «Когда кэб неся как угорелый, Воскресенье обернулся и скорчил страшную рожу. Белые волосы его свистели на ветру, но он был похож на гигантского уличного мальчишку» [5, с. 122]. Председатель Совета Анархистов стремительно убегает от своих бывших подчиненных сначала в кэбе, потом на слоне, а затем, до самого конца погони, на воздушном шаре, сбрасывая преследователям предназначенные для каждого из них записки. Смысл этих посланий

неясен, но цель, очевидно, заключается в том, чтобы пошутить (если не поиздеваться) над незадачливыми сыщиками. Например, в записке, адресованной инспектору Рэтклифу, говорится: «Бегите немедленно. Раскрылась тайна ваших подтяжек. Преданный друг» [Там же], а содержание записки для профессора де Вормса: «Ваша красота не оставила меня равнодушным. Крохотный Подснежник» [Там же, с. 126].

У Честертона и Воскресенья есть и такие общие черты характера, как остроумие, «могучий разум» и простота, лежащая в основе всех их замыслов. Рональд Нокс писал об интеллекте Честертона: «...я ощущал, что величие его разума выгодно выделялось бы не только на фоне такого человека, как я, но и рядом почти с любым из наших современников. Почти все заурядны по сравнению с ним» [2]. А Майкл Асквит в статье «Честертон, весельчак и пророк» указывал на исключительное остроумие Гилберта Кита: «...он не только был остроумен, но и пробуждал остроумие в других» [3].

Профессор де Вормс рассказывает Сайму о своих ощущениях от первого разговора с Воскресеньем: «Беседовали мы недолго, но меня поразили его юмор и могучий разум» [5, с. 80]. Рональд Нокс отмечал, что «за всеми извивами стиля» в произведениях Честертона проступала «неисчерпаемая простота мысли» [2]. Как эхо этого мнения звучат слова и мысли героев о Воскресенье. «Если сверхчеловек вообще возможен, Председатель им и казался, так отрешен он был, так грозен, словно ходячее изваяние. Замыслы его были слишком просты, чтобы их разгадать, лицо – слишком открыто, чтобы понять его, и нетрудно было бы сказать, что он – выше человека», – думает Сайм [5, с. 61]. «Разве вы не знаете Воскресенья? Шутки его так чудовищны и так просты, что никогда никому не придут в голову», – восклицает инспектор Рэтклиф [Там же, с. 100].

Вполне естественно, что Воскресенье, представляя собой, по сути, альтер-эго автора текста, создателя мира, в котором существуют персонажи-сыщики, всемогущ и кажется своим марионеткам сверхчеловеком.

Честертона и Инносента Смита роднят не только черты характера и внешность, но и интересы, привычки и взгляды на жизнь. В одном из своих выступлений по радио Честертон признавался: «Меня не раз обвиняли в том, что я не скрываю своей любви к развлечениям, пиву и кеглям» [Там же, с. 761]. Любит пиво и кегли и Инносент Смит: «Хотя в своем оптимизме он не доходил до вздорного утверждения, что все на свете пиво и кегли, но все же, по-видимому, был свято уверен, что пиво и кегли – наиболее

серьезное в жизни. “Что более бессмертно, – восклицал он, – чем любовь и война? Символ всякой страсти и радости – пиво, символ всех побед и сражений – кегли”» [6, с. 105]. «Всякий, кто слушается разума, а не толпы, может догадаться, что жизнь и теперь, как и во все времена, – бесценный дар; доказать это можно, приставив револьвер к голове пессимиста», – писал Честертон в эссе «Упорствующий в правоверии» [5, с. 769–770].

Радикальные меры по развитию оптимизма одобряет и Инносент Смит: «Интеллигенты, среди которых я доселе вращался, так мало чувствовали жизнь, что даже смерти не умели бояться, как следует. Даже для того, чтобы быть трусом, нужна живая, горячая кровь. До тех пор, пока им к самому носу не приставят дуло револьвера, они не поймут, что они все еще живы» [6, с. 105].

В эссе «Загадка плюща» Честертон писал: «Я не вижу отсюда ни Лондона, ни Англии. Я не вижу этой двери. Я не вижу этого кресла, ибо туман повседневности застилает мой взор. Чтобы вернуться к ним, я должен уехать; вот для чего мы путешествуем, вот в чем радость. <...> В чужой стране обретаешь свою страну, как чужую. <...> ...Англию можно обрести, лишь уехав из нее» [5, с. 591].

Мысль о том, что по-настоящему оценить и полюбить свой дом мы можем только покинув его, высказывает и Инносент Смит. Приехав во Францию, Инносент Смит рассказывает французу, что ищет свой дом. В ходе беседы выясняется, что дом этот находится в Англии. Видя изумление собеседника, Инносент Смит поясняет: «...кругосветное путешествие – наикратчайшая дорога к тому месту, где мы теперь находимся. <...> Бывает ли с вами, – спросил он с неожиданной страстью, – бывает ли с вами, что вы стремглав убегаете из своего дома только для того, чтобы снова попасть туда?» [6, с. 111–112].

Честертон очень любил свою жену, посвящал ей стихи, при конфирмации взял ее имя – Фрэнсис и назвал свои отношения с ней «самым радостным из общений», что у него были [7, с. 295]. Н. Л. Трауберг писала: «Писем, записей и стихов, связанных с любовью к Фрэнсис, необычайно много... Когда, уже за 30, она делала операцию, чтобы избавиться от бесплодия, он сидел на ступеньках, мешая сестрам и врачам, и писал ей сонет... Роль невесты, потом – жены в жизни Честертона так велика, что поэмами о ней можно считать все его книги» [8, с. 530].

Инносент Смит тоже обожает свою жену: «...в обращении с женой он проявлял такую застывшую вежливость, точно он молодой иностранец, безумно влюбившийся с первого взгляда» и он «счастлив в семейной жизни» [6, с. 106].

В качестве последнего доказательства того, что фигура Инносента Смита – альтер-эго самого Честертона, мы приведем сопоставление жены Инносента Смита, Мэри, с женой писателя, Фрэнсис.

«Со всеми своими зелеными платьями, опушенными серым мехом, и распущенными волосами, она совершенно не походила на мечтательную, изысканную барышню. Она терпеть не могла луну, любила огород больше, чем сад, а главное – верила в Бога и ходила в церковь», – пишет Н. Л. Трауберг [5, с. 11].

Мэри в романе «Жив-человек» – «набожная, религиозная девушка» [6, с. 52], «тихая, очень спокойная молодая женщина» [6, с. 104], понимающая, мудрая и бесконечно преданная своему мужу, очень похожа на любящую и «тихую» [5, с. 15] Фрэнсис. Таким образом, мы можем сказать, что в романе «Жив-человек» Гилберт Кит Честертон изобразил себя и Фрэнсис: неунывающего весельчака и мудреца и его жену, идеальную в его глазах женщину.

Итак, мы привели основанные на текстологическом анализе и изучении биографии Честертона аргументы в пользу гипотезы о том, что Воскресенье из романа «Человек, который был Четвергом» и Инносент Смит из романа «Жив-человек» – проекции личности их автора на созданные им художественные миры.

Жизненный путь Честертон иллюстрирует его философию веры и оптимизма, он жил в полном согласии со своими взглядами. Всю жизнь влюбленный в одну страну – Англию, в одну женщину – свою жену, в одну религию – христианство и одно дело – литературу, Честертон получал от жизни наслаждение, сравнимое с наслаждением ребенка, поедающего в свой день рождения невероятно вкусный именинный пирог. Но, что очень важно, Честертон не был тем ребенком, который, дай ему волю, съест весь пирог в одиночку. Он был ребенком, мечтавшим поделиться этим пирогом со всем миром. И, сделав себя героем своих произведений, он добился этой цели: поделился свойственным ему жизнелюбием со своими читателями.

Осознание и анализ феномена авторского присутствия в романах Г. К. Честертон «Человек, который был Четвергом» и «Жив-человек» являются необходимыми не только для интерпретации этих произведений: они подводят нас к новому пониманию личности и творчества Честертон и дают возможность переоценить значимость этого писателя в литературе XX века.

Девяносто с лишним лет назад Честертон предложил своим читателям сыграть в игру наподобие «угадайки» и мог бы считаться предтечей

постмодернистской игры с читателем, если бы задуманная им игра была осознана как игра, а игроки осознали себя игроками.

-
1. *Честертон Г. К.* Вечный человек. М., 1991.
  2. *Нокс Р.* Честертон: Человек и его творчество. URL: <http://www.chesterton.ru/about/gkc-and-his-works.asp>
  3. *Асквит М.* Честертон, весельчак и пророк. URL: <http://www.chesterton.ru/about/gkc-merry-and-prophet.asp>
  4. *Аверинцев С. С.* Г. К. Честертон, или Неожданность здравого смысла. URL: <http://www.chesterton.ru/about/gkc-averintsev.asp>
  5. *Честертон Г. К.* Человек, который был Четвергом. Возвращение Дон Кихота : Рассказы. Стихотворения. Эссе. М., 2006.
  6. *Честертон Г. К.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 2. М., 1990.
  7. *Честертон Г. К.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. СПб., 2008.
  8. *Трауберг Н. Л.* Примечания к роману «Человек, который был Четвергом» // Честертон Г. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. СПб., 2000.

А. В. Маркин
г. Екатеринбург

Методология и идеология советского учебника по истории зарубежной литературы

Существующая учебная литература по курсам истории зарубежной литературы не в полной мере ориентирована на обучение студентов приемам историко-литературного анализа материала, не дает соответствующих знаний и навыков. В значительной степени она воспроизводит устаревшие модели советского учебника. В целом, учебник – маргинальный жанр литературоведения. Учебник не совершает революций в науке, не может стать знаменем школы. Да и студенты не так уж часто читают учебники по истории литературы, особенно на старших курсах. Однако чтение учебника может быть познавательным, если читать его отстраненно – как выражение теоретической модели учебного процесса, существующей в сознании университетского сообщества.

В последние годы вышло немало учебников по различным разделам истории зарубежной литературы. Анализ показывает, что, как правило, во-первых, они не имеют обучающего характера. Они слишком велики